

Юрий АБРАМИЦКИЙ

г. Химки, Московская область

*«Цветок папируса, твое спокойствие прекрасно.
И я хочу спокойным быть, но все напрасно».*

Даниил Хармс

Берег

У Дарьи новая воспитательница. Уже второй месяц. Когда дети гуляют, воспитательницы стоят в сторонке и обсуждают свои проблемы. Я подхожу к нашей даме и с некоторой иронией, помня о том, что мой ребенок всегда доставлял слишком много хлопот взрослым, спрашиваю: «Как ведет себя моя дочь?» С нескрываемым интересом воспитательница, имя-отчество которой я еще не знаю, тоже спрашивает: «А кто такая?» Я всегда считал, что моя дочь очень похожа на меня, а тут не признали. Но, думаю, с

одной стороны, хорошо — стала вести себя скромнее, меньше привлекает внимание. Чтобы дать понять, кто такая моя дочь, кричу в сторону играющих на площадке детей: «Даша-а!» Даша оборачивается, но не бежит мне навстречу, а стоит рядом с Людой, соседской девочкой, и канючит: «Люда! Ну пойдем с нами, ну, Люда...» Я подхожу и миролюбиво спрашиваю: «Люда, пойдешь с нами?» Люда насупилась, молчит. «У, какие мы гордые и неприступные», — с этими словами я приподнимаю дочь и разворачиваю в нужном направлении. Вслед мы слышим Людин голосок: «Сами такие!» Эта реплика не меняет моего великодушного настроения. Дарья тоже успокаивается, и мы уже идем, обнявшись, обсуждая свои дела. «Даша, нам надо еще хлебушка купить». — «Папа, а в

книжный магазин зайдём?» — «Зайдём. Посмотрим». В книжном покупаем цветные открытки, которые выбрала дочь: кабанчика, кенгуру, ежика. По пути к дому заходим в «ветеранский» магазин, в котором бывают товары и для простых смертных: спички, лимонад, кефир, вермишель. Дочь увидела на прилавке конфеты (один-единственный сорт «Крымское яблоко») и просит: «Давай купим». Я усмехнулся: «Ну, размечталась», — потому что и без таблички было понятно, что это не для нас.

Идём дальше, идём мимо палисадников, которые после долгой северной зимы приобретают благообразный вид и начинают зеленеть, несмотря на белые пятна свежевывающего снега. Остановились у таблички, заботливо украшенной узором. Упражняемся в чтении: «Берегите природу. Не бросайте в палисадник мусор. Очень просим вас». Терпеливо жду, когда дочь закончит читать и получит заслуженную похвалу. Проходим несколько десятков метров, а навстречу — мой однокурсник со своей барышней. Я думаю, что достаточно будет кивка головы, чтобы поприветствовать своего старого знакомого, но он отделяется от подруги и подает мне руку:

— Слушай, Юра, ты где?.. Давай перебирайся к нам на «Городец», освободилось место донкермана, а я скажу Петровне, она тебя направит.

— Не-е, — говорю, — благодарю за заботу, но я донкермановскую карьеру заканчиваю и думаю в моря податься.

— Ну, смотри.

Мы прощаемся и идем дальше, за хлебом. Я деньги прибрал к своим рукам, чтобы выровнять семейный бюджет, и, памятуя об этом, покупаю только хлеб и квашеную капусту. Никаких излишеств.

Подымаясь в горку от проспекта Героев североморцев, обнаруживаем цветущие одуванчики и вспоминаем, что черепашка Маша еще ничего не ела. Желтые цветы — ее любимая пища, а в данный период — единственная. Набрал горсть молодых побегов, возвращаемся домой. От мамы Гали получаем замечание за то, что долго гуляем, но она уже успела немного отдохнуть от работы и не сердится на нас, а отчитывает по своей командирской привычке.

Когда у нас бабушка, семья наша похожа на коллектив единомышленников. Она сидит в кресле перед телевизором, а мы дружно рассматриваем свежий номер «Веселых картинок», а затем вооружаемся ножницами и начинаем вырезать из журнала многочисленные наряды для нарисованной девочки. А телевизор в это время показывает, как хорошо трудятся и живут наши северные соседи в Норвегии.

Когда мы укладываемся спать, снова прибегает наш знакомый, Леня, за «четвертым» в долг. Чтобы от него отвязаться, выдаю ему натуральный продукт — последнюю заначенную бутылку.

Вот такой длинный насыщенный день, но для меня он не закончен, потому что на глаза попала удивительная книга «Печаль и смех моих крылечек» Валерия Золотухина.

* * *

Несмотря на пасмурные и холодные майские дни, на подоконнике зацвели мои «злые» перцы. Их много: 8 кустов в 8 горшочках. Целая плантация. В последнее время все больше обостряется зуд к крестьянскому и плотницкому труду. Все чаще думаю о том, как поставлю я дом на берегу нешумной речки, заведу свое хозяйство и заживу благообразно и в достатке. Посажу виноград, наполню бочку вином и соберу в доме всех разрозненных временем друзей и родственников.

* * *

Получил письмо из Ленинграда. «...Юра, я думаю приехать в Мурманск после диплома, а еще лучше, если бы ты подгрёб сюда числа 16-17 мая и мы вместе рванули бы к тебе числа 22-го. А? И еще черкни мне, сможешь ли ты принять кроме меня редактора нашей молодежи — он бы подлетел к сроку. Мы вдвоем с ним более делово провели бы переговоры и наладили контакты. К работе готов, аппаратура со мной.

В Ленинграде — тоска, не с кем сходить на Жуковского или к Казанскому собору, обратиться Ерофеича. Приезжай.

Валентин».

* * *

Еще одна бессонная ночь. На этот раз с «Романом о девочках» Владимира Высоцкого. Поэтому, когда дочь тормозит меня полдесятого («Папа, вставай чай пить!»), я полагаю, что смогу от нее отбиться и выкроить для сна еще часик. Но чай уже на столе, и ее попытки разбудить все решительней. Приходится вставать и небритым идти пить невкусный чай. Затем набираюсь мужества, чтобы заправить постели, и думаю, как мне развлекать дочь. Для начала идем звонить в Ленинград, затем собираем гостинец и спускаемся с горки на пр. Героев североморцев. Семейство моей сестры уже куда-то исчезло. В надежде застать их едем дальше, к тетушке Ане. Под окнами знакомой квартиры стоит роскошный золотистого цвета автомобиль «Вольво», и около него крутится в своей замысловатой кепке дядюшка Толя собственной персоной. Я обхожу его склоненную фигуру и почти серьезно спрашиваю: «Что, дядь Толя, машину купил?» Мы не виделись года полтора, и он восторженно трясет мою руку: «Ну что, заходите. Я один». Гостеприимство его не знает пределов. Он суетится и не знает, как угодить. Из покрытого лазурью графинчика наливает красного вина в старомодные рюмки, нарезает вареной колбасы, предлагает разогреть свое излюбленное блюдо — макароны по-флотски. Дарье достает «Веселые картинки» за 1982 год. Сам все время широко улыбается. Наш разговор неожиданно или закономерно переходит на 41-й год. Дядя Толя рассказывает об эвакуации в Кировскую область, об учебе в «ремеслухе», о работе на военном заводе и бегстве в 44-м в Мурманск. В 17 лет он попадает на флот. С тех пор он считает себя моряком, хотя служил в береговом экипаже, и любит морские песни.

*А волны бушуют и стонут,
И бьются о борт корабля...*

Такие воспоминания вином не разбавить, поэтому на столе появляется бутылка водки и... быстро кончается. Я приглашаю дядюшку к себе, но он тверд: «Завтра на работу... Давайте я вас провожу до остановки».

Нашей мамы, вечной труженицы, еще нет, и мы идем кататься на велосипеде. Сегодня уже проще: без падений и слез. Я стою на крылечке длинного 9-этажного дома и только успеваю головой крутить, наблюдая за дочкой. Слезы начинаются, когда я пытаюсь загнать ее домой. Сегодня великий футбол, и пропустить его немислимо. Киевляне должны разгромить «Спартак», и они это блестяще делают. Снова отличается не по годам хладнокровный Олег Саленко, а еще забивает великолепный гол вездесущий Иван Яремчук.

* * *

У Валерия Золотухина читаю о варфоломеевской ночи, когда студент актерского отделения Лин Варфоломеев создает аттракцион под названием «Причастие к духу крестьянскому». За пятак (пять копеек. — Ю.А.) он запускает на 2 минуты желающего вдохнуть аромат сапог, земли, пота и всего сопутствующего деревенской жизни в темную комнату, где спит богатырским сном отец Золотухина, приехавший в Москву из далекого алтайского села проведать сына. Сам сын сидит у двери с шапкой, в которую опускают пятаки, и потихоньку скулит:

— Не надо... ну не надо, Лин, подумай, зачем этот цирк, насмешка получается. Разбудите отца...

— Какая насмешка, старик, о чем ты говоришь? Художник, подумай. Это урок жизни, судьбы, нам всем подарок, можно сказать. Для будущих лицедевов это как воздух и важнее, чем арифметика. Они же почти все городские, что они знают о жизни мужика? А ведь от него все начала начались. Пусть посидят в темноте, повдыхают этот запах, у них мозги разморозятся, если не окончательно души заржавели. Это озон для них... Ты меня понял, старик? Отойди, не мешай работать! Шапку не урони.

— Ну, пусть придут завтра, поговорят...

— Зачем завтра, когда ночное колдовство свято, только ночная логика великие творения создает. Это напряжение черные тени их предков из темноты вызвать может, а ты говоришь «завтра». Никакой разговор на них так не

действует, как дух! Это бьет навзничь, понял? Держи шапку и не мешай, ты еще мал и глуп и не видал у Дуныки пуп.

* * *

Зашел в областную библиотеку рассчитать на время отпуска и обнаружил бронзовый памятник Кириллу и Мефодию, доставленный аж из Болгарии. Удивительное дело: основатели славянской письменности — и у нас здесь на Крайнем Севере. Не где-нибудь в Москве, Новгороде, Киеве, в городах с исконно древней культурой, а у нас, в Мурманске, созданном, по сути, при советской власти, в городе, не имеющем глубоких исторических корней.

Жаркий июньский день под Лугой. На озеро Толони мы идем напрямую, через лес, полузросшей тропой. Нас окружают высоченные сосны, воздух пьянит, птицы поют; то там, то здесь видны цветущие ландыши, земляника, заросли малины. Галина восторгается, взмахивает руками, кружится, как девочка. Она не была в таком лесу лет двадцать. Дашутка, напротив (ее мучают болячки и занозы), хнычет. Хнычет до тех пор, пока не расступается лес и не открывается голубая гладь воды. На озере, больше похожем на реку, многолюдно, и самые отчаянные уже купаются. Лодки разобраны и почти все ушли через узкую протоку под горбатым полуразрушенным мостом на водный простор. В манящую даль.

Море?

На календаре — День рыбака. И мой день тоже, потому что семь лет я был связан с промыслом. Сотни раз видел, как всплывает трал с рыбой, и сам участвовал в подъеме и постановке трала. Но это был не я, а человек более опытный и уверенный. Я растерял уверенность, и очень непросто будет продолжить это занятие. И праздник меня не радует. Радость лишь в том, что никто не мешает весь день лежать на диване с книжкой в руках. (Однажды лежал вот так и вычитал: «Как мифический Антей от земли Обломов набирался сил от дивана».)

* * *

Больше всего люблю послевахтовое время, когда возвращаешься домой, а дома уже никого нет, и проходят минуты в предчувствии отдыха. Быстро подбираешь на кухне остатки завтрака или ужина, берешь в руки недочитанную книгу или ворох газет и читаешь, пока не начинают слипаться глаза. Иногда этого не замечаешь и просыпаешься под газетой от неожиданного (кажется, прошло мгновение) прихода жены, какого-то другого шума. Дают понять, что время отдыха истекло, но еще не торопят с подъемом. Снова текут блаженные минуты, может, еще короткий, тут же забытый, сон. Еще тянешься, потом встаешь, смотришь на часы и обнаруживаешь, что рабочее время нормальных людей закончилось и ты уже опоздал куда-то позвонить или что-то сделать. Кроме одного — вынести мусорное ведро. Более серьезных дел не поручают, потому что послевахтовый покой — это святое.

* * *

Помалу обживаюсь на судне: навел относительный порядок в каюте, притащил из дома горшок с перцем, который уже цветет и пускает первые плоды. Матрос Молод, бывший донецкий шахтер, знает толк в этих делах и советует удобрять растение голубиным пометом.

Вернулась дочь из Анапы: черная от загара, высокая, повзрослевшая. Стала быстро читать; любит, стоя у окна, на подоконнике писать сочинения на вольную тему. Не любила, не могла. Бутон долго набирал силы и в один момент раскрылся.

* * *

Наш родственник Володя работает егерем на Мокрой Кице. Ездили туда втроем: с женой и дочкой. Добрались быстро и комфортно — на передних сиденьях междугородного автобуса. Дочь с полчаса развлекала меня своей болтовней, а в конце поездки задремала. Высадились мы перед широкой и полноводной, по нашим меркам, рекой. До охотничьей базы у старого

полуразрушенного моста было рукой подать. Познакомились сразу с Димой, чем-то похожим на моего напарника по шурфам горнопроходчика Миссу: такой же высохший и помятый курилка и умелец на все руки, бродяга, лесная душа. На базе — три домика, жилой вагончик, достраивающийся коттедж, вольеры для собак, клетки с медведями, загон для пятимесячного лосенка Люси, длинноногой красавицы, которую мы кормили с рук ивовыми ветками.

Сухо, но грибов можно набрать сколько увезешь. Пока шли до кострища на левом берегу (метров 200), набрали подберезовиков и красноголовых на суп. Быстро запалили костер, повесили котелок. Я было собрался в лес, но у реки набрел на большую стаю маслят (больше 80 на пару квадратных метров) и сразу же вернулся. Сам остался кашеварить, а мои разбрелись. Только когда накормил всех и наговорились с Димой, пошел с ведерком вдоль старой мончегорской дороги на разведку. Часа через полтора вернулся. Грибы торчали не только из ведерка, но и из карманов полевой просторной куртки. Я был на верном пути, но уже начинало темнеть. Затем — долгожданная баня. Добрался до койки в три часа ночи.

Утром вышел в том же направлении, но уже с корзиной. Когда начала подступать усталость, я обнаружил «бомбу», оставшуюся, видимо, от хороших времен. Без этикетки. На бутылке налипли заповревшие листья. Значит, год, как минимум, пролежала. Плотнота закрыта пробкой. Поболтал — запенилась. Открыл, понюхал. Какой запах! Не шампанское, но приятнейшее десертное вино, да еще с выдержкой. Рядом зарубцевавшийся след бульдозера, видимо, от дорожных ремонтников. Осталось грамм триста (вот это загадка для психологов). Иду дальше, делаю мелкие глотки, и уже никуда не надо спешить, комары не так донимают, корзина руки не тянет — легко и свободно.

Возвращались домой электричкой. Когда переходили реку Колу по подвесному мосту, Галя от страха делала круглые глаза. Зато ее оживил магазинчик на станции, где и сыр, и конфеты, и совсем дешевые кофточки по 150 рублей. Затем в электричке Галя паниковала, как тяжело ей будет обработать нашу добычу без меня (мне

утром на вахту). Она успокоилась лишь тогда, когда грибы были разобраны: одни варились, другие мочились, третьи оказались в холодильнике, — и мы сидели далеко за полночь и нанизывали самые крепенькие для сушки.

Не всегда удобно признаваться, что что-то допил, доел, но в свое оправдание могу сказать, что вырос я на отходах. Родители расходились и сходились, и какое-то время мать тянула нас с сестрой одна. Она работала в столовой посудомойкой и несла домой не только то, что покупала, но и то, что не съели или не доели посетители. Мы выросли небрезгливыми, и высокомерия по отношению к другим развиться у нас не могло. Правда, в свиней превратиться не успели.

* * *

Ночь с 10 на 11 августа, наверно, последняя, когда можно обходиться без палубного освещения. Это тоже вызывает грусть — кончается и без того короткое лето. Но открывает и новизну, потому что уже успели отвыкнуть от уличных фонарей, от поездок в троллейбусах по темным улицам, когда пространство сворачивается и начинаешь замечать окружающие лица. Скоро и дочери не надо будет доказывать, что уже поздно и пора спать. Это будет происходить само собой. И начнутся трудные побудки. И начнется головная боль по поводу зимней одежды. Как всегда, мы не готовы к зиме — не обуты и не одеты. Но будет и жаркий сентябрьский период, когда на улице еще тепло, а уже на полную катушку греют батареи. И где-то откроется новая течь в придачу к уже имеющимся. Но это в том случае, если дом не успеет взорваться от утечки газа на лестничной площадке. А в общем-то все нормально, потому что и перестройка заглохла, и рынок нас еще не съел.

После вахты первым запарил веничек. Часа три отдохнул, поскольку ночь была беспокойной. Не давала расслабиться еще непривычная вибрация от работающего на полных оборотах главного двигателя. Проводятся швартовые испытания, регулировка и доводка механизмов. Дату отхода еще никто не решает

назвать. Но все спокойны и самоироничны. Есть на что валить, с чем сравнивать: в стране вон какой развал!.. Я тоже спокоен, хотя и не уверен, как примет меня море после десяти лет разлуки. Но все-таки не впервой. Жаль только, что поубавилось романтики. Этого жаль. А больше ничего.

Отдохнул, встретил жену с работы, пожурил дочь за проказы и пошел в баню. Попарился как никогда. Людей мало в дневные часы, и никто никому не мешает. Из парилки — в бассейн, из бассейна — в парилку. И до такого состояния, когда кожа уже не реагирует ни на ледяную воду, ни на жар парилки, ни на потерявший листья веник. Когда наступает ощущение полного комфорта и свободы духа.

* * *

Три месяца готовил судно в море, настраивался сам, но в чьем-то столе застряли мои документы на визу, и мне пришлось лишь помахать с причала рукой... «Цветок папируса, твое спокойствие прекрасно...»

* * *

Первого сентября с вахты прибежал погранше. Дочери уже прилаживали на жесткие черные волосы большой белый бант. Как всегда, колготки казались тесными, болел живот. Но слез еще не было. Они появились позже, когда после отвратительного мероприятия с неподготовленными микрофонами, раскрепощенными старшеклассниками и лицемерными речами про «...из года в год становится все лучше...» и к тому же проведенного почему-то во Дворце культуры, мы вышли на улицу. Среди толчей и гвалта учителя перешептывались: «Приношу соболезнования...» А моя дочь тихо плакала, и я долго не мог понять причину слез. Наконец, она выдавила: «Папа, я хочу в школу». В школу их не повели. И учительница исчезла из виду. Тогда мы пошли в школу сами, чтобы хоть класс посмотреть, наш 1«б», но в школу нас не пустили.

Вот такой грустный праздник. Он запомнится на долгие годы и будет до конца школьных дней омрачать пребывание в этих стенах, то-

ропить другую жизнь (скорей бы кончилась эта!). И с фотоаппаратом я был один...

Школьников в школу не пускали, зато моя жена, школьный повар, готовила обед для учителей; они уже успели проголодаться. Когда жена вернулась с работы, она сказала просто: «Правильно, что не пустили. Там еще ремонт не закончен».

* * *

Бегал и размышлял об источниках энергии человека. Очевидно, что они расположены на нескольких уровнях. Как в физике: есть просто сгорание, а есть расщепление атома. Сравнение, может быть, очень сильное, но откуда у человека открывается второе дыхание и откуда появляются необычные, порой фантастические достижения в экстремальных условиях? Возьмем простые вещи, которые обнаруживаются в результате тренировочного процесса. Тренированный организм по сравнению с нетренированным при одинаковом потреблении топлива (пищи, которая дает энергию в результате обмена веществ, сгорания) проделает работу значительно большую и интенсивную. Попросите человека, который не занимается бегом, преодолеть хотя бы несколько километров. Даже если он перед этим съест полноценный обед, проделать такую работу не сможет. А марафонец сможет пробежать и 10, и 20 км на одном стакане молока. Техника техникой, но тут, мне кажется, и топливо иначе сгорает, и энергия вырабатывается на порядок выше. Уже другой уровень. Если попросить марафонца пробежать еще дальше и при этом не восполнять продукты сгорания, то в какой-то момент откроется еще один уровень (источник) возникновения энергии. Не знаю, откуда (уже кажется, что нет никаких сил), но он обязательно откроется. Может быть, не у каждого спортсмена и лишь при определенных обстоятельствах, но энергия возникнет, образно говоря, от расщепления атома. Что-то там в организме расщепится, и человек покажет удивительный результат. В таких случаях мы говорим: «Неисчерпаемы возможности человека».

И малоизучены.

На траулере Ми-1743 стоим в доке. Ловим тресочку, не выходя в море. К этому промыслу меня приобщил Сергей Авдошкин, матрос из докеров Рыбного порта. Тоже недавно устроился в рыболовецкий колхоз. Пока не открыли визу, будем ловить рыбку в Кольском заливе.

* * *

Ничего писать не хочется. В таких случаях говорят: ленится душа. Все происходящее в последнее время кажется мелким и обыденным. И по-прежнему нет денег. Хожу в кино на дневные сеансы по 25 копеек, читаю. Слушаю ругань жены. Терплю непослушание дочери и присутствие взрослого сына, на несколько дней приехавшего из Питера. То, чем он занимается (покупает-продает), мне не нравится. Терплю. Мой пароход ушел без меня. Жду. Был всплеск, когда написал рецензию на сценарий, печатавшийся в «Советском Мурмане». В ней есть такие слова: «Врезать бы автору этой «Зубаткой» (траулер «Зубатка» там резал волны) по всей строгости нашего смутного времени». Вот до чего допек меня так называемый автор так называемого сценария.

Через две недели в том же самом «Советском Мурмане» напечатали мою рецензию и даже критическую подборку озаглавили моим «Стоит ли «Зубатке» резать волны?». Вот только острые места изъяли. А читатель, как известно, любит острое и жареное.

* * *

Интelligentный человек не скажет о себе, что он интеллигент. А Горбачев это всячески подчеркивает. И в отставку он подал, когда уже все стало ясно. И прогноз был известен еще год назад, а для кого-то и раньше. СССР нет, есть СНГ. Содружество одиннадцати независимых государств. Но все-таки благодаря Горбачеву. У него хватило мужества признаться, что и он ошибался. Только, наверно, никто из политиков не признает, что он лукавил, тем паче лгал.

* * *

Утром прибыл на вахту, а попасть в каюту не могу. Мой соратник и коллега пропал вместе с ключами. Ребята сказали, что видели его в деревне. Живой ли? И все — благодаря заботе профкома, который обеспечил нас водкой, по две бутылки на брата. По две оказалось много. Или мало?

После обеда ходил в правление за подарком для Дашуни. Подарки прибыли из Германии на автобусе «MAN». Вернувшись на судно, я разложил содержание серого невзрачного мешка с бирочкой «Для девочек от 7 до 10 лет» и подумал, что нести сразу все домой нельзя. Дочка ошалеет от радости. Для начала отобрал медвежонка в кожаном комбинезоне, шлеме и очках и узенький пенальчик с разноцветными кругляшками жвачек.

* * *

Уже месяц у нас живет рыжий котенок Левка, названный так за сходство с царем зверей. Оторвали его от матери очень рано, и нам приходилось кормить его из пипетки и ложечки. Несколько дней назад он научился прыгать и есть рыбу. Прыгает, как тигр, очень серьезно и сильно оттолкнувшись от невысокой скамейки. Но все равно получается очень смешно. Когда я сижу на кухне (это мой кабинет), он грызет мои босые ноги, но в руках замирает и начинает мурлыкать. К своей чашке подбегает через каждые пять минут, если не спит. Уже не лезет в чашку с ногами, не опрокидывает ее, и нет необходимости помногу раз на дню хвататься за тряпку и подтирать разлитое молоко.

* * *

Не все советское — плохое. Есть фильмы Георгия Данелии, смешные и грустные, с миром людей, о которых не скажешь, что они потерянные, прожившие зря. Они мучились, страдали, спотыкались, наконец, радовались. Кто-то пытается зачеркнуть прошлое, но оно было. И было наполнено. Может, там, позади, лучшие наши дни и годы.

Размышления у камина

Сижу в кресле... У камина. В заброшенном норвежском доме. Коваными щипцами поправляю головешки. Все бы хорошо, но нет рядом жены и дочери. Идет дождь. Судовая жизнь за две недели пребывания в Харстаде вызывает ностальгические чувства. Захотелось уединения. За окном отцветает родная черемуха. Природа повторяет нашу: те же березы, рябины, ивовые; те же папоротники и иван-чай. Но во всех огородах — клубника. Норвежцы предпочитают жить в частных домах, подстригать траву, выращивать экзотические цветы. Дома вписываются в неповторимый ландшафт, и город похож на дендрарий. Не все прилизано, как у немцев, но оттого и милее.

Харстад встречал короля Олафа по случаю открытия Дворца культуры. Король не промчался по улицам города в сопровождении эскорта, а шествовал среди толпы. Норвежцы были переполнены любовью к своему королю, но дворец, в котором он скрылся, не осаждали, а дисциплинированно потянулись вдоль набережной к центру города искать развлечения. Оркестры играют, несмотря на дождь. Город веселится, отмечая свой праздник. А я ушел от всего этого, потому что там невозможно не тратить нашу бесценную валюту.

* * *

По ассоциации с котятками (cats), нарисованными в учебнике английского, больно толкнуло воспоминание о потере моего любимого рыжего Лёвки. Возвращаюсь после первого короткого рейса с моря, а дочка со слезами на глазах рассказывает мне такую историю: нашего Левку пацаны забили камнями и выбросили на помойку. Две большие потери в жизни и отстоят так близко по времени. Не прошло и полгода, как я похоронил мать.

Другой Лёва, но в обличье человека; Лева, который знаком с учением Плутарха, вдруг возжелал «раскатить со мной пузырь водки». Одним из важнейших вопросов стал: почему повар плохо готовит? Почему? Мне, кажется, удалось ответить на этот вопрос, поэтому он

принес еще одну бутылку. Далее муссировали тему, какие мы с ним порядочные люди, поскольку не обсуждаем публично интимные вопросы (темы). Мне удалось, в конечном итоге, вскрыть все болезненные нарывы, и Лева неожиданно полез на мою законную, третьего штурмана, «шконку». Бог с ним. Мне все равно не спится. Я думаю о доме, о моих милых, сладких Галюне и Дашутке.

* * *

Поговорил по телефону с женой. В этот раз все совпало: прорвался в Союз, соседка (обладатель телефона) оказалась дома, а жена телефонный звонок уже ждала. И этот разговор обошелся нам в сумму 1320 рублей при моей зарплате на берегу в 4000 рублей. Я пробую иногда считать деньги, но это занятие быстро меня утомляет. Можно было, конечно, обойтись без телефонных переговоров, впрочем, как и без жены, и стать очень состоятельным человеком. Но я сделал выбор и позвонил, и очень при этом волновался.

* * *

Чайки уже давно вывели птенцов и перестали быть агрессивными, а мы продолжаем стоять в Харстаде. Два дня назад должны были быть дома. Подвела набивка сальника дейдвуда. Сегодня подвезли другой сальник (или другую набивку, не знаю, как правильно назвать), но на слип загонять не стали. Загнали под корпус водолазов. Выяснилось, что у них получается это дело и завтра возможен отход. Мы решили нанести прощальный визит Питеру, нашему другу, автомеханику. Перед визитом, чтобы не идти в гости с пустыми руками, набрали прямо в городском парке красноголовиков, белых (они растут в парке, потому что норвежцы грибы не собирают и не подзревают, как это вкусно). Вечер прошел славно и продлился почти до утра! Пока я занимался на кухне грибами и потягивал мартини, Питер звонил своему школьному другу Энди, а ныне безработному драйверу (водителю), который в свое время успел побывать на нашем судне, и мы непринужденно поочеред-

но беседовали с подданным Великобритании, совершенно не заботясь, на сколько фунтов стерлингов или норвежских крон этот разговор потянет.

Общежитие на волнах

Простояли в Мурманске больше месяца. Да ещё отход оформляли двое суток. Заменяли четверых (нет, пятерых — пятого в последний день) членов экипажа. Остался на берегу уже вышеупомянутый Лева, который собирался пойти матросом-уборщиком, но в последний и ответственный период выпал из процесса (ему еще придется поработать над Плутархом, видимо, он что-то упустил из его учения). Еще одного «малопьющего» (пьет, пьет, а ему все мало), второго штурмана Алексея заменили другим «малопьющим» Леонидом. Причем оба — бывшие капитаны.

Однако ушли спокойно, без нервов.

И море — спокойное.

И — цветок папируса.

* * *

Забрались аж за 77-й градус северной широты, за остров Надежды. Так высоко еще никогда не работал. Первый трал пришел на моей вахте: тонна отборной, почти метровой трески. Очень важно: с хорошей печенью, так как мы специализируемся на выпуске консервов из печени. Сама же треска морозится, упаковывается и укладывается в трюмы, которые вмещают 200 тонн готовой продукции. Иначе говоря, груз. Груз можно взять (выловить и переработать) за две недели в лучшем случае, за полтора месяца — в худшем. Можно не взять груз из-за какой-то поломки (чаще всего — главного двигателя, траловой лебедки) или по недоразумению...

Мы успели сделать четыре траления. (Для непосвященных скажу по секрету, что траление обычно длится 3 часа. За это время траулер пропахивает тралом по всякой живности, какая подвернется на грунте, борозду длиной 10 миль, по сухопутному 18 с половиной километров. Это протяженность нашего города,

расстояние от 35-го завода в Росте до улицы Крупской на юге. Еще час уходит на постановку и выборку трала. Одно траление — за вахту, за 4 часа.)

Итак, мы сделали четыре траления, и обнаружилось, что на борту нет... аммиака. Нет аммиака, стало быть, нечем морозить нашу продукцию. Пришлось возвращаться в порт. Потеряли неделю. Я меньше всего склонен искать виновных, но холодильных дел механик утверждал, что получил аммиак. Он ходил на больших транспортных судах, умный и опытный в общем-то дядька, но где-то не просек, не разобрался со спецификой. Самое интересное, что его не списали с судна. Леонида — тоже. В этом случае капитан наш поступил как истинный либерал, о чем он, возможно, потом сожалел.

* * *

Первый груз сдавали у Семи островов на транспортное судно «Кильдин». Мороз, обжигающий с берега ветер. У нас такая практика: один-два груза — на транспорт, последний груз сдаем сами в инпорту.

* * *

Путром радист принес мне радиограмму: «Дома все нормально Пришел Саша (уже и сын ходит в море) Скучаем Хорошей работы Целуем Родные».

* * *

Как бы сравнить работу в море, на промысле, с работой на берегу? Представьте, что вы отработали смену, вернулись домой и после неторопливого ужина вытянулись на диване перед телевизором. В море после восьми часов работы можно тоже неторопливо поужинать и вытянуться, но надо помнить, что через восемь часов снова выходить на вахту. Когда вы на берегу после отдыха готовитесь отойти ко сну, матрос достает свои портянки, правит шкерочный нож и выходит в темноту, холод и сырость промысловой палубы. Еще

представьте себе, что после работы вы возвращаетесь не в тишину и уют дома, а в этакое общежитие (вокруг ни улиц, ни магазинов, ни девушек) длиной 20 метров и шириной — 9, в котором размещается 30 грубых мужиков в двухместных двухъярусных пеналах, называемых каютами; и это общежитие вздымается, кренится, вздрагивает от беснующихся волн, грохочет от работающих дизелей под ногами и катящихся металлических шарах-бобинцах над головой; и эти шумы и встряски продолжают независимо от желания и состояния моряков, а в зависимости от рыбы и благосклонности Нептуна или Посейдона, которые, по всему виду, часто ссорятся.

Ни раздевалки, ни сушилки, ни рундуков для спецодежды на наших судах не существует. Все лепится по коридорам, шахтам и тамбурам. Рокон-буксы, фуфайки, куртки, штаны, шапки развешаны на гвоздях и веревках; сапоги, портянки, резиновые перчатки, брезентовые рукавицы путаются под ногами; ноги заткнуты в разные щели за доски, за трубы. Коридор правого борта и салон забиты картонной тарой. Везде шляются крысы. Капитану прогрызли рубаху. За что? Он и таракана не обидит (я слышал, что крысы мстят обидчикам)... А на камбузе: пока стоишь у титана и набираешь воду, обязательно высунется одна другая остроносая мордочка. Высунется, покрутит носом, глазками и исчезнет. Только приляжешь на койку, обратишь свой усталый взор к подволоку (потолку), а там — такой писк и топот...

Мы-то ничего, привыкаем, а если на заходе портовые власти забьют тревогу, нас могут и выгнать из порта. В Мурманске просились на дегазацию, вместо этого нам выдали отраву — боритесь, мол, своими силами.

* * *

Пытки изощренной трудно придумать: принимаем топливо в Кулонге, откуда хорошо видны огни родного города. А граница закрыта... Капитан говорит: начальство нас не поймет, если будем проситься в порт, не отходя и месяца.

А я не понял капитана и... запил. Да так, что 27 и 28 октября для меня слились в один день и я забыл про день рождения сына. Но зато попал на заседание «синяков». Или, скорее, учредительный съезд, так как «синяки» впервые открыто признали себя «синяками» и за накрытым соответствующим образом столом занимались тем, что обсуждали и закрепляли устав. Заседание проходило конструктивно, по-деловому. Бутылка являлась вступительным взносом. Желаящий внести в устав предложение или поправку должен был твердо встать на ноги, взять в руки микрофон-стакан и, обратившись к присутствующим не иначе как «господа синяки!..», выразить свою мысль, избегая «латинских» выражений, и только после этого выпить содержимое «микрофона». Соответственно, велся протокол и соблюдался регламент, и недостатка в «спикерах» не было. Столько остроумия и самоиронии было проявлено... Смеялись до слез и на глазах трезвели.

Эту бы энергию да в мирных целях!

* * *

Господа синяки еще продолжают свои заседания, а я, кажется, окончательно вернулся к жизни, если наши условия можно назвать жизнью. Ночью были кошмары. Был покойник, который приподнялся в гробу и помахал рукой, то ли прощаясь, то ли приглашая...

Нас губят водка и жадность

Сегодня прошлись с тралом по суперпоказаниям, через которые не пробивает даже грунт (эхосигналы поискового прибора рисовали что-то невообразимое, упираясь в рыбные косяки). Решили буксировать трал всё-таки три часа... Сколько в трале было рыбы — одному богу известно. Мешок с рыбой лопнул на слипе, и улов выдавило, как из тубика, обратно в море.

Бог — он все видит!

Милые мои

Тоненько заиграла электронная мелодия наручных часов «Montana». Я, не открывавая глаз, поднял руку и автоматически включил свет над головой. Долго прищуренными глазами смотрел на циферблат — 7.30. Значит, утро. Что снилось? Не могу вспомнить, но почему-то думаю о дочке. Она проснулась на полчаса раньше и миль на двести южнее. Мама уже приготовила бутерброды с сыром и ушла на работу. Дочка отходит ото сна тоже медленно, включает оба телевизора и слоняется по квартире, вбирая в себя действительность сиюминутного происходящего. Не так-то ей легко понять, что ты дома, что ты уже школьница, что сегодня не выходной и пора готовиться на занятия. Да и бутерброды с сыром — непонятно, что с ними делать: то ли они уже надоели, то ли некогда их уже есть?

На нашем столе, несмотря на разницу во времени и в пространстве, тоже сыр, по-морскому «чи-и-з». И я тоже думаю, как с ним поступить?

* * *

Имеем ли мы право вмешиваться в природу человека и пытаться что-то в ней изменить, если сам человек, пусть и маленький, этого не хочет? Но мы и вмешиваемся, и пытаемся изменить, часто не понимая механизма и последствий этих вмешательств... Попробуйте изменить внешность человека (не только лица)... Это мы понимаем и не пытаемся, и даже не задумываемся над этим. А вот изменить характер, поведение — это пожалуйста. «Повлияйте на вашего ребенка, он совершенно не умеет себя вести!» Или: «Он совершенно не хочет думать!»

Человек не может не думать, он ни на минуту не прерывает этого процесса, даже во сне. Дело лишь в том, в какой системе он это делает, в каком мире живет. Попробовать понять этот мир, войти в него, лишь только тогда можно рассчитывать на какой-то результат. А так, что называется, стучать в закрытую дверь. И толку не будет, и можно сделать больно; можно оттолкнуть и озлобить.

* * *

Не хочется быть отшельником... Но друзей нет. После вахты забиваюсь в каюту, сплю, читаю, больше думаю. Каждый день рассматриваю семейные фотографии и мысленно восклицаю: «Милые мои!» Милые мои, уходят дни и месяцы из жизни, и все меньше впереди остается нам быть вместе. Я целую ваши лица и все больше страдаю от неизбежной разлуки. Иногда я вижу свой смертный час и ваше горе, и слезы текут по моим щекам. Иногда я представляю, что получаю печальное известие из дома, и снова обливаюсь слезами. Милые мои, как мне больно без вас...

Если бы не русские печальные песни, если б не Визбор, если б не моя потрескавшаяся гитара, которая и строй-то плохо держит, но еще звучит и поддерживает меня...

Не только о треске

Втри часа дня меня будит настойчивый телефонный звонок. Звонить могут только с мостика, и я даже догадываюсь о причине, поэтому трубку не снимаю, а глубже зарываюсь в подушку. Нет, приходит Леонид и начинает бубнить: «Юр, посмотри, ты же там что-то изучал, разбираешься, вырубил совсем... Включили, а он не дает координаты...» Я знаю, что навигационный приемник Shipmate, о котором идет речь, еще не имеет полного спутникового обеспечения, в какие-то периоды он дает отказы, но знаю и то, что Леонид от меня не отвяжется и я уже сам не усну, поэтому говорю: «Ладно, подожди, сейчас поднимусь», — и начинаю медленно приходить в себя. На «мосту» — целый консилиум, растерянность. Леонид опять начинает что-то бубнить. Я отыскиваю среди кнопок нужную комбинацию — в работе пока один спутник (одна линия), все в порядке, надо подождать, через некоторое время спутники выстроятся под благоприятными углами, и «Шипмэйт» автоматически выдаст уверенную позицию. Объясняю Леониду. Тот: «Ну, извини, Юрок, что поднял».

Поднял так поднял — иду есть уху.

Все-таки не удержался я на «мосту», сказал: «Бог нас наказывает».

* * *

В 2 часа ночи из постели выдернул технолог Шарапов: «Юра, пойдем пошкерим». (Подвахта.) Все возмущаются, даже матросы, которым мы облегчаем работу: «Да чего там убирать — рыба крупная». Возмущаемся и мы с мотористом Андрюхой: «Ну, Шарапов, ну, Шарапов!..» И действительно, через час, когда рыба на исходе, он приходит: «Все, шабаш, ребята». И в свое оправдание: «Мне капитан сказал...» Я до утра, конечно, не уснул, разгоряченный работой и чаем. На вахту прихожу вареный. Капитан — на мостике. После некоторой паузы с деланным возмущением я начинаю: «Какого черта понадобилось Шарапову поднимать нас на обработку рыбы». Капитан молчит некоторое время — переваривает, не знает, признаваться или нет, что инициатива исходит от него. Затем говорит, оправдываясь: «Тут такие показатели были, думали, завалимся...» (рыбой. — Ю.А.)

Хочется отстраниться от того, что у нас происходит. Уговариваешь себя: «Ну, хватит уже, наверно, навоевался». Нет, не могу успокоиться. Рыба прет валом. Еще в ящике осталось тонн 5, поднимаем трал тонн на 12. Рыба давится, мнется, трется, теряет товарный вид да и, наверно, вкусовые качества. В довершение всего поступает команда: «Филе не резать». Проходит время, еще одна команда: «Пикшу не брать». И крупная треска, и пикша идут за борт. Ее немного, но все же... Причина? Спрос! Рыбопродукцию чаще сдаём в Норвегию или Данию, и не всегда понятны мотивы решений наших боссов.

* * *

Еще не прошло и полрейса, а как все привычно и как все надоело. Наши развлечения: выгрузка и бункеровка (заправка топливом).

Развлекает иногда Даниил Хармс: «Мы долго жили с ней вместе, но потом она, кажется, куда-то исчезла, точно не помню.

Память — это вообще явление странное. Как трудно бывает что-нибудь запомнить и как легко забыть! А то и так бывает: запомнишь одно, а вспомнишь совсем другое. Или запом-

нишь что-нибудь с трудом, но очень крепко, а потом ничего вспомнить не сможешь. Так тоже бывает. Я бы всем советовал поработать над своей памятью».

* * *

Все палубные механизмы открыты ветрам и волнам. Все работает на пределе. Не успели сделать траловую лебедку (потеряли полсутка, и нет гарантий, что доработает до конца рейса), вышла из строя грузовая лебедка. Опасаемся также вставать на якорь. Чтобы запустить брашпиль (лебедку для работы с якорями. — Ю.А.), необходимо собрать всех механиков, начиная с «деда», и несколько часов над ним колдовать. Главный двигатель «сожрал» всю пресную воду (течет из-под крышки), зато повсюду — забортная вода — на мостике, в коридорах, каютах (не только главной палубы, но в каюте капитана), в рефотделении, на фабрике. Там, где не должно течь (через так называемые водонепроницаемые двери), течет. Компрессоры, нагнетающие холод в трюмы, почему-то «не любят» крена на левый борт и бортовой качки... Перечень неисправностей и недоработок можно продолжить. Надо бы в порт бежать и делать все основательно, да боимся начальства: могут не понять, как выражается капитан.

Вот так и работаем. Теряется время на устранение недоработок, расшатываются нервы, падает интерес к работе, нарушается психика, наконец. А в конечном итоге это все сказывается на рентабельности.

Впрочем, о чем это я? Неужели начальство этого не знает? Да быть этого не может!

С каждым (хотел написать «годом» и задумался, наверно, месяцем) месяцем все легче стать миллионером. Сейчас миллион «весит» три тысячи «зеленых». Это полгода работы в море.

Но радости от этого мало.

* * *

Снился друг Толя, и независимо от него через цепь ассоциаций в памяти возник образ его бывшей жены Лены. Эта цепь началась

все той же треской, которая в мыслях занимает много места. Поражаясь, сколь неисчерпаемы ее запасы в Баренцевом море, я вспомнил разговор перед рейсом со случайно встретившимися ребятами из Полярного института Валеркой Zubовым и Женей, с которыми 20 лет назад ходил на научном судне «Поиск» к берегам Антарктиды. Я спросил у них в шутку: «Ну как, хватит мне еще тресочки полохматить?» Вспомнив Женьку, вспомнил, как купил у него в то далекое время электрофон «Вега-002». Через несколько лет, когда переезжал, продал его Толику. И в придачу отдал все диски. Толя развелся, и «патефон» оставил Лене. Хорошо, что я успел забрать диск Джорджа Харрисона, привезенный мною на том же «Поиске» из Уругвая. Впрочем, мы с Леной находили общий язык, и наши беседы порой затрагивали вопросы психологии. Тут же я вспомнил профессора Дранкова, который блестяще (театр одного актера) читал этот предмет в ленинградском институте. Профессор Дранков сказал однажды, что знает профессоров психологии, которые совершенно не могут понять своих детей. Лена тоже училась в этом институте и не расставалась с мыслью заняться изучением психологии в аспирантуре. Мы с Толиком смеялись по этому поводу, конечно, когда Лены не было рядом. Впрочем, собеседник она интересный и после развода стала более привлекательной.

* * *

Перед самым отходом получил письмо из Англии от Andy. Не прошло и двух месяцев, как написал ответ.

«Dear Andy!

Hello, how are you? I hope you are keeping well. Sorry what long time not wrote to you. The sea have not post office... etc».

«Дорогой Энди!

Как вы? Надеюсь, что все хорошо. Извините, что не писал долгое время. К сожалению, в море нет почты. Ваше письмо из Англии для меня — фантастика, как полет на Луну. Извините, что пишу коротко. Это письмо для меня первое на английском.

После ремонта в Харстаде я пробыл дома полтора месяца. Мы ездили на «фиате» (ма-

шина была куплена мною в Харстаде за 300 долларов, и Энди ее видел) с женой и дочкой в горы, в лес, на речку. Это было прекрасно.

Моей дочери 9 лет. Она очень любима мною, но невоспитана, не слушается маму. Она учится в третьем классе. Мой сын работает в Мурманском морском пароходстве. Он, подобно мне, моряк, и повар, подобно маме.

А я работаю в Баренцевом море...»

Не только о покрывках

По приходе в Тромсё передал письмо нашему норвежскому агенту Рейдеру... Стоим мы, стоим, а продукцию сдать не можем. Все дело в качестве, в недостаточной температуре в теле рыбы. Рефмеханик и здесь нас подвел. Когда дело было сдвинулось, фишконтролер (рыбинспектор) ввинчивает свой датчик в тело трески, а там всего минус 7 градусов. «Фирмач» предложил сдать рыбу в Исландии: «Меня качество продукции устраивает, в Исландии дадут хорошую цену и не будет проблем ни с фишконтролем, ни с таможней». У нас тоже свой интерес в Исландии — дешевые подержанные машины. Командир звонит Михайлову, чтобы он дал «добро» на Исландию, но тот «рычит» и предлагает свой вариант — на восток, на транспорт. Я пытаюсь вмешаться: Николаич, да скажи ты ему об условиях, которые предлагает рейдер. Николаич машет рукой: не лезь ты... Рейдер смотрит на меня, повторяя, что в Исландии не будет проблем. Я пожимаю плечами: «I am only third mate (Я всего лишь третий помощник)».

* * *

Простояли в Тромсё пять суток. Рейдер успел слетать в Исландию, вернуться. Приехал на судно не один — с очаровательной фрэндгёл Ренди, которая неплохо говорит по-русски. Несмотря на наши проблемы, рейдер до конца оставался доброжелательным, пригласил нас в ресторан «Помор», где мы познакомились с хозяином заведения болгаринном Петром Петровым, привез для команды два ящика пива и наконец договорился, что мы будем сдавать рыбу на одной из факторий в че-

тырех часах хода от Тромсё. Лоцмана заказали на 9 утра.

...Но утром мы не снялись: произошел забавный и драматичный случай. Мы ждали лоцмана к 9, а он прибыл в 5. Схватились, нет двух матросов — уехали на велосипедах на свалку за покрышками. Темно, морозно, а они уехали на велосипедах за покрышками к ближайшей свалке! Вернулись через 20 минут после того, как уехал лоцман. Я сказал ребятам: «Покрышки нас погубят». Позже подъехал на красной «зализанной» «ауди» представитель порта, и мы с ним ругались по-английски. Он гнул свое: «Fife o'clock!» Я — своё: «Nine o'clock. This is mistake. I listened, master listened: nine o'clock... (5 часов — 9 часов. Это ошибка. Я слышал, капитан слышал: 9 часов)». Как бы там ни было, задержались еще на сутки.

Еще сутки потеряли из-за штормовой погоды: не рискнули зайти в нужную нам бухточку, отстаивались на соседнем острове. Когда зашли, увидели лишь причал и коробку фабрики. Дома разбегались где-то по сопкам и ложбинам. И место называется Ваннбос (Причал на острове Ваннёй). Немного поволновались, когда очередной фишконтролер стал закручивать штопор термометра в брикет слабозамороженной рыбы. Обошлось. Нас даже начали торопить (была пятница) по-русски: «Работа, работа, работа...» И свою (левую) рыбу продали. Не всю, но по 3500 крон заработали сверх тарифа. На борту осталось, кроме всего прочего, 15 тонн пикши. Кто-то решил, что ее необходимо сдать на транспорт, а пока транспорта нет, неплохо бы еще порыбачить. Пока нацеливались на промысел, «наверху» договорились с транспортом. Пока шли к транспорту, выяснилось, что там образовалась очередь и неизвестно, сможем ли мы пробиться?..

И домой не пускают.

Вечером созвонился с домом. Успокоил как мог жену. Сказал, что везу много гостинцев... Это было действительно так: приближался Новый год. Перед приходом положил капитану заявление на отпуск, хотя и не нравится мне отдыхать зимой.

* * *

Снег. Деревенская дорога. На крыше две вороны. Черные на белом фоне. Одна из них срывается с конька вниз по крыше, скользит на хвосте, как с горки, и под штрехой взлетает. Кто видел, как ворона катается с горки? Я видел. Что это за ворона такая? Решила по-дурачиться и меня позабавить?

* * *

«I was well, would be better, took physic and died».
(Я чувствовал себя хорошо, мог бы чувствовать себя еще лучше, принял лекарство и умер.)

Кюхельбекер — Софи в альбом

В феврале я познакомился с Виолеттой. Увлёкся ею. Встречались два раза в неделю. Угла нет — мотались на машине моего сына. Домотались: ее поколотил муж, а у меня жена отобрала ключи от машины. Море чувств побушевало и на какое-то время улеглось. С Виолеттой порвано, разбито мое лицо (с ней прямо не связано), истрачены (прожжены) деньги. Я снова в семье. Галина помогает мне зализывать раны, и я снова ее люблю. От переживаний она стала стройной, и я называю ее селедешкой.

* * *

Еще лечат меня книги: Шукшин, Ю. Власов, Даниил Хармс. Вот что последний сочинил 12 августа 1937 года, находясь в Детском Селе:

Я плавно думать не могу

Мешает страх

Он пререзает мысль мою

Как лучь

В минуту по`два, по`три раза

Он сводит судорогой мое сознание

Я ничего теперь не делаю

И только мучаюсь душой.

Вот грянул дождь,

Остановилось время,

Часы беспомощно стучат

*Расти трава, тебе не надо время.
Дух Божий говори, Тебе не надо слов.*

*Цветок папируса, твое спокойствие прекрасно
И я хочу спокойным быть, но все напрасно¹.*

* * *

Снова на шаткой палубе. Сажу в каюте и пытаюсь вспомнить, что же произошло значительного за последнее время — пытаюсь выстроить воспоминания. В конце того самого злополучного февраля отец наконец вставил зубы, уехал в деревню, а через месяц с небольшим вернулся. Сгорел дом. За неделю до его приезда. Не пришлось ему больше пожить в своем доме. В глуши тамбовского села дом ограбили и сожгли. Надо отца как-то устраивать. Не осталось ни вещей, ни одежды. Решил продать машину или обменять на дом. Но требуется ее ремонт. Договорился, занял деньги, поставил в ремонт. Но тут — направление на отходящее судно. Ладно, думаю, обойдется, пойду на заработки.

Судно, относительно новое, чистое, но команда, как и повсюду, изрядно пьет. Отход выпал на мой день рождения. На судно пришел отец. Мы сидели в моей тесной каюте и выпивали. Знакомые и незнакомые люди заходили и уходили. А мы сидели с отцом и о чем только не говорили! И о матери, и о доме, и даже о центровке гребного вала. Он долго рисовал мне и рассказывал, как в свое время, будучи бригадиром слесарей, сидел в туннеле гребного вала на промасленной телогрейке и часами крутил гайки (ловил десятые доли миллиметра), как изобретал приспособления для облегчения монотонной и утомительной центровки и «гремел» на заводе как специалист. Я слушал и чувствовал его тоску: прожито 65 лет — и нет ни жены, ни дома, ни занятия, которое могло бы как-то скрасить его последние годы.

* * *

Работаем в Норвежской экономической зоне (НЭЗ). Второй штурман, как и все вторые, пьет и до сих пор остановиться не может. Пьет в одиночку, потому что у других не хвата-

ет здоровья. Такие штурмана — наша слава и гордость.

Все уже давно пришли в рабочее состояние, а рыбалки все нет. Весна — время беспокойное. Крупная треска не сидит на месте: отнерестилась и мигрирует. Мы тоже мигрируем, но везде не успеваем. Втянулись в работу на исходе второй недели. Приходит и уверенность, и самоуверенность. Можно позволить себе некоторые вольности, рискованные маневры и потери промвооружения. Но можно получить и призовые, как в любой азартной игре.

У старпома — день рождения. О подарках на отходе не думаешь, поэтому подарили ему вымпел бывшего МРХ (министерства рыбного хозяйства) с серпом и молотом и нашими автографами.

* * *

Главное богатство — общение, главная беда — не с кем общаться. Люди есть вокруг, и я их вижу и чувствую, но говорить не о чем. Перетираться и жевать надоело, а новых разговоров ничего не рождает, не высекают. Иногда ухватишься за какую-то мысль, поддашься соблазну, а окажется, все уже давно известно и собеседнику еще раз понадобилось укрепить свои позиции.

* * *

Перебрались к острову Медвежий. Кто-то случайно поймал кита. Кит задохнулся в трале, трал пришлось отрезать. Кит, опутанный сетью наполовину, выпятив белое брюхо, дрейфует в районе промысла. Жутковатое зрелище.

* * *

А вот что пишет моя жена: «Юра Ремонт 200 Аттыс рублей Дома все нормально Целую». (Юра отпускных столько не получает. Вот так нормально.)

¹ Авторские орфография и пунктуация сохранены.

Удивительный сон

Мы с женой в концертном зале. Начало представления. На сцене 5 или 6 музыкантов некоторое время настраивают инструменты. Среди них — скрипка... И без перехода возникает симфоническо-джазовая композиция. Почему-то армянского происхождения. К первому ряду (совсем близко) подходит солист-певец, румяный, чем-то похожий на Игоря Скляра, вступает... Слова наполовину английские, наполовину русские... Поет почти речитативом. Музыка радует, вызывает улыбку, восторг. Мой восторг разделяет жена. Музыка удивительная, не передать... Еще удивительнее то (это я уже думаю, проснувшись), что и музыка, и вся обстановка, и цвет рождаются в моей голове, моим воображением. Композиция-то оригинальная, никогда мной не слышанная. И происхождение почему-то армянское. Не потому ли, что у нас на судне мастер лова — Каджарик Саркисян.

Кстати, команда — интернациональная. Выходим на подвахту — расстановка вдоль рыбодела такая: крайний справа — белорус Дима Якутович, рефмеханик; рядом — молдаванин Алик Барландян, моторист; я — сомнительно русский; слева Боря (Бурхан) Аскеров, азербайджанец; далее вышеупомнутый армянин, и в довершение всего приходил угощать нас папиросками Миша (Мераби) Гвазава, грузин. И тем не менее все спокойно — тихие, миролюбивые парни. Может быть, поэтому они все на севере?

* * *

Переживания, связанные с производственными неурядицами, отразились еще в одном сне.

Сдаем рыбу на транспорт, получаем топливо, а «зеленую» (заход) нам не дают. Я сбегаю с судна. За мной — погоня. Внезапно меня настигает сам председатель рыболовецкого колхоза. Я — ему: «Что же получается, Иван Петрович, Михайлов опять нас обманул?.. Я не вернусь на судно, пока не дадут «зеленую». Через какое-то время я оказываюсь в комнате типа «бытовки» с большим прямоугольным захлапленным столом посередине. Здесь поч-

ти вся команда. «Юра, где ты ходишь? — говорит кто-то. — Уже все аванс получили». Я получаю деньги и успокаиваюсь... (Вот еще неизученная тема — «Роль денег в излечении невроза и других заболеваний». Вместо лекарств и процедур нужно выдавать больному деньги и наблюдать за его выздоровлением.)

С середины мая работаем на северо-западном склоне Мурманской банки (где через несколько лет погибнет атомная лодка «Курск»). За полчаса — 8 тонн трески (полный ящик, две суточных нормы). Два трала — и всю ночь в дрейфе. Чтобы подъемы не были чрезмерными, пришлось изобретать в мешке трала клапан-ограничитель. Утром на той же трассе за полчаса — 6 тонн. Поднял столько, сколько планировал (оценивая по показаниям японского цветного эхолота «Коден»). Старший мастер лова сказал, что самый хороший подъем, то есть без насилия над рыбой и механизмами.

И меня приобщили к «великому святому» делу — заготовке «фирмы», то есть своей рыбы. Промысел закончился, трюм заполнен, а рыба в ящике осталась — отборная крупная треска. Боцман пригласил меня к рыбоделу и научил резать филе. Незаметно «настругал» на три противня (три брикета, если заморозить). Да еще под соль бросил всякой всячины. Как говорится, ничто человеческое нам не чуждо.

* * *

После трех с половиной месяцев промысла простояли в Мурманске двое суток. Выгнали в море в воскресенье. Вновь провожал один отец. На стоянке получил еще одно письмо из Англии. Мой английский друг Энди по-прежнему без работы, но счастлив со своей французенкой и заполняет свободное время путешествиями.

* * *

За пять промысловых суток — на борту 65 тонн готовой мороженой продукции. Рыба прет дуром, но тормозит наша устаревшая технология и все та же любовь к водке. Из процесса выпали технолог и старший мастер лова. Командир вчера их распекал, а сегодня гуляет

сам, несмотря на присутствие инспектора «Мурманрыбвода». Инспектор неказист и неинтересен, копает, занимается своим делом. Но придраться не к чему: размер ячеи трала даже больше допустимого; треска практически без прилова; молоди нет; с документами все в порядке. А если придерется, то вернется на родное судно без «гостинцев».

* * *

Сумбурно-спонтанное траление — это когда на полном ходу врываешься в группу судов, «цепляешься» за первые показания эхолота, начинаешь ставить трал, подключаешь траловые доски, но еще не решил, в каком направлении ринуться, а затем, по мере поступления информации, корректируешь направление, глубину и определяешь время траления.

* * *

Капитан ходит по судну в шлепанцах или в черных резиновых сапожках — видимо, куда попадут с утра ноги. Тоже весь спонтанный, порывистый. «Юр, ну что у нас там... Всё о'кей?» Больше трех дней трезвым не ходит, считает неприличным. Грустные, заискивающие глаза. Кучерявые волосы, нос с горбинкой. Похож на француза и так же небрежен в одежде. Неприхотлив. Любит застолья, общение. Пару дней на борту гостил его одноклассник, предводитель фирмы. Властный, похожий на актера Чарли Бронсона. Было показательное траление: вот, мол, какие мы виртуозы-рыбохваты. Пожадничали: на слипе лопнул гайтян и всю рыбу из мешка, как из тюбика, выдавило обратно в море.

* * *

Развесил на пеленгаторной палубе вялиться рокуней. Подсчитал — 13. Число 13 в этот раз «сработало»: вместо обещанной Исландии нам «предлагают» и второй груз передать на транспорт. Все возмущены, но вышли на выгрузку. Я выразил протест — не вышел и лишился возможности заработать 67 долларов.

* * *

Пустынный берег бухты Большая Волоковая. Начало июня. Скалы, голый кустарник, галечниковые осыпи, еще много снега. Календарное лето наступило, а травки зеленой мы не увидели. А так хотелось. Впереди еще один груз. Трудная, безрадостная морская работа. Вспомнились такие строчки, услышанные по радио:

*...Получили мы немало соленых тумачков,
Но это дело, право, настоящих мужиков.*

Сны и явь

Сон занимает в жизни моряка особое место. И не потому, что он в море спит больше обычного. Чаще бывает наоборот. Во сне моряк видит берег — то, что ему не хватает в море. И старается как можно дольше удержать его в памяти. Сон, сновидения помогают снимать чрезмерные психологические нагрузки, связанные с известными ограничениями судовой жизни. Но, конечно, не заменяют радости и полноты береговой жизни. Сон — это наркотик, и болеутоляющий, и сводящий с ума. И сон, к сожалению, отражает нашу действительность, неприглядную и запущенную. И наше состояние — обреченно-покорное. Но как иногда не хочется прерывать хоть и печальную картину своего вывихнутого воображения! И вновь, и вновь сталкиваться с монотонной и утомительной реальностью, смотреть, как у нас говорят, 1001-ю серию нескончаемого сериала про море.

Стою на вахте весь измученный непривычной болью в животе, от этого и сердце болит, и бессонница. Сон урывками. Был такой сон: мама и сестра; вокруг дома двухэтажные и небольшие участки земли. Все довольно запущено. Мама говорит и показывает: здесь то посадили, здесь это; что-то уже цветет. Зеленая травка, обшарпанные глухие стены. На натянутых веревках — куча драных пальтошук и прочегохлама. Есть узнаваемые вещи.

Еще такой сон (причем сплю и осознаю, что это во сне, и можно делать все, что захочу, отбросив рамки приличия): снятся женщины, девушки, мужчины — разные, в разных ситуации-

ях. Я могу подойти к любой из женщин и молча ее ласкать. Они на это не реагируют в общепринятом смысле, но меняются, деформируются, превращаются в нечто фантастическое, податливое, иногда мерзкое. Порой исчезают, растворяются. Чем ближе я к желаемому, тем сон расплывчатей. Сон тает, и через короткое время приходят новые видения. Так повторяется несколько раз. В какой-то момент я просыпаюсь и вижу, что действительно попал в неприятную историю. Но затем я просыпаюсь еще раз, уже по-настоящему. Лежу в той же койке второго яруса в каюте-пенале родного парохода. Без женщин, без берега, без свободы перемещения, без возможности совершать какие-то поступки: праведные или непристойные.

Не успел дописать последней строчки, как заходит технолог и вызывает на подвахту к рыбобделу. На судовых часах — 2.33...

* * *

После того как мы загрузили в трюмы 150 тонн мороженой рыбы, начали делать так называемую «анализную рыбопродукцию» (это наше советское изобретение), то есть разделку рыбы с подрезанием калтычков. Треска из мешка выливается на палубу, затем каждой особи делается надрез калтычка, чтобы спустить кровь у живой еще рыбы, далее каждая трещина вручную закидывается в рыбный ящик, там промывается и подается транспортером на рыбобдел. После разделки рыба по лотку попадает в большую ванну, еще раз промывается и оттуда — в бункер. Дальше — такая цепочка: расфасовка и взвешивание, заморозка, выбивка брикетов из противней, упаковка в картонные короба, маркировка, транспортировка в трюмы и укладка. Подумаешь: какая технология! А на самом деле — громоздкий и не всегда оправданный труд. Сколько операций и рук! И бывает чрезвычайно досадно, когда рыба прёт дуром, а мы с нашими переключиваниями, промываниями, выбиваниями не успеваем ее обрабатывать.

И снова вернусь к советскому «изобретению». Анализной, то есть отвечающей высоким требованиям, должна быть вся рыбопродукция, а не только та, которая лежит наверху и предназначена для предъявления фишконт-

ролю. Есть еще одна сторона дела. Как бы мы ни изошрялись, многое определяется спросом, которого мы не знаем. Могут хорошую цену дать за невысокого качества продукцию, а могут создать много проблем, несмотря на все старания с нашей стороны.

* * *

Понедельник — день «манда», как выражается капитан Задорнов (от английского «monday»), но речь не об этом. Я вот смотрю на боцмана: то он заготавливает тресковые язычки и балыки, то строгают своим боцманским ножом филе, то варит печень. Теперича тоже варит, приговаривая: «Семья-то большая». Короче говоря, крутится. И на камбуз не пробиться. Но дело не в том, что не пробиться. Чёрт с ним, можно и пробиться, и найти время и силы. Мне все время мешает проклятый вопрос: «А зачем?» или «А куда мне столько-то? На всю жизнь все равно не запасться». Вроде бы оно и нужно по нашим смутным временам: семью подкормить, родственников угостить, где-то там что-то подмазать. Но разве крайняя нужда, разве я не могу позволить все это купить, разве это достойно звания штурмана, разве человек должен вот так суетиться?

А может быть, зря я мучаюсь этими вопросами? Не проще ли объяснить эти размышления попыткой оправдать свою лень?

Все же, несмотря на сомнения, печень я отобрал, очистил, уложил в пакет и оставил на фабрике. Подготовил банки разной масти, какие удалось собрать. Сунулся было на камбуз забить место и время, но, как подумал, что начнут давать советы (это у нас любят, тем более мне — я сдержан, терпелив, не огрызаюсь, не посылаю подальше, как принято делать по логике), я плюнул на это занятие. После обеда рыбмастер мыл фабрику, пакет с печенью кинул на крышку трюма; налетели бакланы — начали клевать; рыбмастер увидел — отправил пакет дальше за борт, а я вздохнул облегченно. Дай-ка я лучше домой позвоню, соседям нашим телефонизированным. Но телефон молчит, видимо, соседи уехали в отпуск.

Ах, цветок папируса...

Из радиogramм в море

Милый мой Андриюшенька Поздравляю с днем рождения От всей души желаю крепкого здоровья счастья удачи отличного настроения Ты ведь у меня умница мой самый хороший и единственный Соскучилась не передать Люблю бесконечно целую = Твоя Алена

Привет Факил извини Турция Греция не соответствуют заказу 25 = Володя

Ирочка родила Сыночка вес три четыреста пятьдесят три сантиметра = Валентина Николаевна

Родненький Юрочка наш Нас все хорошо не беспокойся Дети здоровы Все очень дорого Цены растут каждым днем Очень ждем любим скучаем крепко целуем = Люда Рома Миша

Из радиogramм на берег

Минькино Ударник бухгалтерия Прошу сообщить отпускную цену мяса говядины по требованию НР 34 от 31 мая 1993 = КМ Зузенко

Галюня Следуем в Исландию приход 6-8 июля Возможно окончание рейса Целую = Юра папа

Да, мы следуем в Исландию, но еще сами не знаем, в какой порт.

Фарерский синдром

23 июня (ср.) = Вчера шли в Исландию, сегодня – на Фарерские острова. Возможны еще варианты.

24 июня (чт.) = Широта = 68 градусов 40 минут норд. Долгота = 10 градусов 13 минут ост. ИК = 228 градусов. Скорость = 11 узлов. Море на всем протяжении рейса было свинцовым или, в лучших случаях, когда выглядывало солнце, голубым. Здесь оно бирюзовое. Боцманская команда (все матросы перешли в распоряжение боцмана) торопится замазать ржавчину (до презентации осталось три дня).

Кашалоты, понимаешь ли, встречаются на пути.

Не спится. Слышу шорох. Выглянул сверху из-за занавески и увидел ее – длиннохвостую. Не суетится, все спокойно обнюхивает. Кидаю лежащей под подушкой книгой (простите меня, Антон Павлович), крыса исчезла. Утром произвел осмотр – обглоданы вяленая рыба и плитка шоколада. Теперь не знаешь, то ли воевать с ними, то ли подкармливать, чтобы не ссориться.

27 июня (вс.) = Стоим на якоре близ Торсхавна, столицы Фарерских островов. На борту уже побывали представители портовых властей и принимающей фирмы. Увезли на берег 4 коробки с рыбой для тестирования.

У фарерцев, несмотря на малочисленность (один Мурманск вмещает население десяти Фарер), свой флаг (красный крест на белом поле) и своя футбольная команда в европейском турнире. И суровый сухой закон.

Похоже, что завтра я стану миллионером, поскольку получу на руки 1270 долларов США. По курсу это больше полутора миллионов рублей. А поскольку я еще не миллионер, то занимаюсь самыми обыденными вещами, пишу, например, письмо Питеру в Харстад:

«Dear Peter and Kjellavg (он англичанин, она норвежка). How are you?..»

29 июня (вт.) = Второй день – у стенки (причал восточного мола, который упирается в крепость). Утром начали выгрузку силами фирмы «Faroe ship». Нам предлагали восемь с половиной, затем девять долларов за тонну. Где наша гордость? Мы отказались подставлять свои спины за девять долларов.

Начал внедряться в чуждую среду. Скалы, трава, овцы. В диком состоянии не увидел ни одного деревца, ни одного кустика. Не приживаются. Только то, что посажено руками. Говорят, и землю сюда завозили из-за моря. Во фьордах – садки с красной рыбой. Семгу выращивают, как поросят. Безработица (у них – безработица, у нас – безденежье): из двадцати двух рыбообрабатывающих фабрик функционируют семь. Туман и морось – обычное состояние погоды. Туман – даже на сувенирной открытке. Но это не отпугивает туристов, которые прибывают на огромных паромах.

В промзоне, где есть завод по переработке утильсырья, — на воротах табличка «Посторонним вход воспрещен» по-русски. На одном из автомобилей надпись «Руками не трогать», тоже по-русски. Русских здесь знают.

Номера автомобилей состоят из одной буквы «F» и пяти цифр. На 55 тысяч населения этого достаточно. Представители портовых властей или просто властей вместо буквы имеют на номерах золотистый якорек.

Торсхавн — это музей под открытым небом и одновременно выставка их достижений. И дендрарий. Если учесть, что в естественном виде на островах ничего, кроме травы, не растет, то это — главное достижение фарерцев.

* * *

Фареры мы покинули 2 июля в конце суток. Местная таможня была терпелива по отношению к нам, но, когда безумие пьянства начало перехлестывать борт судна, когда в городе, который гордится сухим законом, там и сям стала появляться русская водка, — ее терпение кончилось. Сначала были сняты на видеопленку походжения Каджарика, затем взят с поличным наш грузинский представитель. Только после этого таможня перестала с нами церемониться. В итоге нам пришлось расстаться с пятью ящиками водки и двумя тысячами долларов.

Последние вахты перед домом тянутся утомительно. На мостик поднимается то один, то другой, то третий, пытаясь осмыслить, проанализировать навигационную ситуацию. Всем нужно знать скорость хода, место на тот или иной момент, когда дойдем до очередного поворота, обходя Скандинавию, когда перейдем на следующую карту, каков прогноз, и, в конечном итоге, всем хочется знать точное время прихода. Все обсуждают и смакуют детали прихода: как их встретят, как доберутся домой, у кого приходная вахта, у кого — нет, будет ли подмена, сколько простоим и пр. и пр. А на берегу все так зыбко и неопределенно, что просто диву даешься. Существует великое множество факторов, которые могут внести коррективы. И мы стараемся все предусмотр-

реть: потери на ремонт, снабжение, дератизацию... Хотя на берегу нами занимаются десятки людей, основной груз забот ляжет на наши плечи. И управленцы будут все время нас поторапливать. И придется делать много ненужной и бесплодной работы. Мало кто думает, что людям, на три месяца оторванным от дома, нужно прежде всего отдохнуть. Просто побыть с семьей и отдохнуть. В конечном итоге, от состояния людей зависит все остальное: план, рыбалка, отношение к технике, безопасность плавания.

Серёга

Вернулись в Мурманск 8 июля, а через пару дней на моем «фиате» разбили заднее стекло, снабженное обогревом. Машина стояла на стоянке близ диспетчерской, а я — на судне. Бортовой «ГАЗ-53» подавал назад и машину мою не заметил. Стекло — вдребезги, а грузовик смылся. Хорошо, рядом был таксист. Он записал номер виновника и сунул записку мне под дворник. Я звоню в Кольскую ГАИ и слышу: «А что вы предлагаете?» Очень уж не хотелось им выезжать по такому пустяку. Все же приехали, разобрались и задают мне такой вопрос: «А что вы ловите?» — «Треску». — «А окунь попадается?» Я, конечно, понял, о чем идет речь, и угостил инспекторов вялым окунем. В Колу заехал через несколько дней. День оказался неприятным, а инспектор — строгим. Плюнул я на это дело, непростым путем достал плексиглас, и с моим другом Андрюхой мы долго и терпеливо выпиливали необходимые обводы, потягивая из бутылки со страшной звериной мордой. А в ГАИ я разочаровался и больше не настаивал на расследовании дела.

После того как я написал заявление на отпуск, уговорили меня перегнать наш плавучий холодильник «Гемму» и обеспечить грузовые операции. «Гемму» кое-как отодрали от причала, к которому она прикипела за несколько лет своей последней службы («научник — печеночник — холодильник»), и потащили буксиром в Рыбный порт за грузом мороженой сельди. Пароход — раскуроченный, гнилой, облезлый, под стать причалу № 8, который

раздолбали и перекопали, и рыбокомбинат, который выглядит как после бомбежки. Хоть кино снимай про 41-й.

* * *

Сидел на вахте в каюте и размышлял... Здесь, на флоте, собираются люди с большой психикой или становятся таковыми в процессе, и никому до этого нет дела. Мне уже сорок один с половиной. Если вдуматься, то это страшно: осталось жить гораздо меньше, чем прожито. Но настоящая жизнь как бы еще не началась. Что есть наша жизнь? Вот точка зрения Владимира Солоухина: «Уже с детства — пытка тем, что тебе хочется, а не дают. Пытка тем, что другому дали больше и лучше, чем тебе. Пытка тем, что другого, оказывается, любят больше, чем тебя. Пытка болезнями. Пытка болью во время рожания детей. Пытка боязнью потерять детей. Пытка болезнью детей и их потерей. Пытка, когда дети на твоих глазах голодают. Пытка тем, что другие дети успевают больше и лучше, чем твой, а твои сбиваются с пути, а часто и гибнут. Пытка физическими лишениями, подневольным трудом, вообще тяжелым трудом. Пытка голодом и холодом, вечной озабоченностью о семье и о своей собственной материальной обеспеченности. Пытка неразделенной любовью, ревностью, бессилием, несоответствием желаемого действительному. Пытка уязвленным самолюбием, ожиданием чего-либо, скукой, тоской, печалью, скорбью, потерей близких... Своих близких, любимых и закапывать в землю! Вы только вникните в это! Пытка ожиданием собственной смерти и постоянной боязнью ее... Я уж не говорю о пытках войнами, тюрьмами, казнями и буквальными пытками в тюрьмах...» (Из повести Владимира Солоухина «Смех за левым плечом»)

* * *

Воскресенье. Вахта. Грязный стол, оборванные шторы. Грелка не работает. За переборкой слышно, как два матроса и моторист вяло играют в карты. Я ни с кем не общаюсь. Полное отсутствие интереса к служебным де-

лам. Да и дел, собственно, нет. Зарплаты — тоже. Пришлось раскинуть еще 100 долларов. Утром надо отнести две бутылки спирта «Royal» и две бутылки водки в ЭРНК (электрорационную навигационную камеру), чтобы вернуть к жизни магнитный компас. Компасная жидкость кем-то была употреблена внутрь за долгие два года ремонта. Кому предъявить обвинения? Да и не в моих это правилах — кого-то подозревать, проводить расследование. Убытку — 11 тысяч рублей плюс моральные и временные потери.

Получил зарплату в размере 118 тысяч рублей, включая котловое довольствие. Если из этой суммы вычесть 11 тысяч за восстановление компаса, остается 107. Еще минус 70 тысяч за квартиру для отца — остается 37 тысяч. Кто-то склонен думать так: как работаем — так и получаем. Кто-то думает наоборот. Где больше истины?

* * *

Старпом Валера Чанов никак не может «слезть со стакана», хотя внешне это не бросается в глаза. Он очень органичен в таком состоянии и более работоспособен. В этот раз он остался на судне до утра. Часа за два до начала рабочего дня он заходит ко мне в каюту и предлагает выпить. Мой отказ его не обескураживает. Он крутит в руках медицинаобразную невзрачную бутылку «Абсолюта», изучая надписи, откручивает пробку и наливает в баночку из-под детского питания немного жидкости. Выпивает, не закусывая. Если бы даже старпом пожелал закусить, вряд ли бы на судне нашлась хоть корочка хлеба.

Мы почти ровесники и учились с ним в одной мореходке. Валера мне симпатичен и интересен. Я больше слушаю. Валера вспоминает курсантскую жизнь, и рассказ его сводится к одному человеку — его однокашнику Сергею Шипову.

Тот попадал все время в курьезные и драматичные ситуации. Началась история с того, что под Новый год, будучи еще курсантом, Серёга привел в «общагу» на Копытова случайного прохожего. Пока курсанты пили, тот прилег на койку и потихоньку умер. Никто и

не заметил. А дежурным офицером был наш командир роты старший лейтенант Вишняков. Он: «Что за пьянка, почему посторонний» и начал его толкать...

Короче говоря, Шипа вызвали на суд администрации и выгнали из мореходки. На суде вспомнили и то, как он, будучи с «бодуна», рыгнул на преподавателя электротехники Валентину Ивановну. Она поднималась по лестнице, а на ее беду сверху спускался Шип, у которого в этот момент подкатило...

После окончания мореходки Валера попал с ним на одно судно: Валера — четвертым помощником капитана, Серега — матросом. Валера жил с поварихой, а Серега — с буфетчицей. Старпома этот расклад возмущал, потому что буфетчица должна принадлежать комсоставу, и искал случая, чтобы с этим «несознательным» матросом расстаться. Случай такой представился, и спровоцировал его не кто иной, как 4-й штурман. Он как-то предложил: «Серега, хорош пьянкой заниматься. Займись лучше спортом». Серега, не долго думая, подвесил «грушу» в помещении гирокомпаса и колотил ее до тех пор, пока она не сорвалась на гирокомпас, повредив при этом чувствительный элемент. У старпома появился формальный повод списать конкурента в любовных делах.

Затем была история с письмами.

Отец разошелся с Сергиной матерью и женился на женщине, которая не нравилась Сереге. Он откровенно и матерно написал об этом своему другу. В тот же день написал письмо и отцу, естественно, с другим содержанием. Приготовил два конверта, подписал адреса, а письма перепутал... Был еще один скандал.

Но отец и это ему простил. Когда он освоился на Черном море, то вызвал туда сына...

На долгое время Валера потерял из вида своего друга, но эта история не была бы завершена, если бы они больше не встретились. Естественно, совершенно случайно. Валера отдыхал в Гаграх, и захотелось ему свежей рыбки. Подходит он к местному бичу, который держит в руках авоську с рыбой, и просит продать ему две-три рыбины. А тот отвечает: «Валера!.. Да забери хоть всю авоську». Валера вздрогнул и взгля-

нул на лицо незнакомца: «Серега!..» Да, это был тот самый Серега, но как он изменился!

А Серега в то время работал на сейнере и пригласил Валеру порыбачить вместе с ним. Набрали вина, девиц — и на промысел. Пьют на палубе, время от времени спускаются к девицам, между делом — рыбачат. Возвращаются, рыбу продают, деньги делят и снова на промысел. Валера говорит, что и зарплату они не получали. Жили с того, что продавали, и не жаловались.

Валера посмотрел, как работает черноморский флот, какая «гвардия» там собирается, и вернулся на свой север.

Когда он закончил свой рассказ, стало ему необычайно грустно (то ли Серегу стало жалко, то ли годы ушедшие). Отвинтил он пробку винообразной бутылки со знаменитой шведской водкой, налил себе полную баночку и, не поморщившись, выпил. Посидел еще немного, помолчал и обронил: «Ну, ладно, пойду к себе, уже работы должны подойти». Он завинтил пробочку и пошел заниматься своими бесконечными ремонтными делами.

Командировка

Три часа ночи. Не могу уснуть из-за головной боли. Еще не адаптировался. То тошнота подступит, то сердце заскреблет, то не знаешь, куда деться, чем заняться?

За четверо суток не наловили и четырех тонн. Забрались высоко на север. Безрыбье, шторма, обледенение. Очень плохо без жены и дочки, без дома. Одиночество обострено тем, что экипаж мне совершенно не знаком. По воле случая я оказался в командировке. Хозяин судна — бывший секретарь среднеполосного горкома, человек, далёкий от знания морской работы и промысла. Капитан, как это часто бывает, человек неинтересный, задерганный, непоследовательный. Ладно бы эта непоследовательность оправдывалась на деле... Дел пока нет. Одни прогнозы и малоубедительные доводы. Со мной он пока корректен.

На судне своя специфика. Нет обогрева иллюминаторов. Из-за наледей на стеклах ограничен обзор. Но темнота и холод компенсируются в какой-то мере наличием современной

поисковой и навигационной аппаратуры. С траловой лебедкой работает сам штурман. Это мешает вести наблюдение, когда стоишь спиной к движению, а при работе в группе судов подвергает риску опасного сближения с другими траулерами. Пульт управления траловой лебедкой примитивный, рассоединять барабаны приходится все же на палубе самим мастерам лова.

Судно хотя и старое, и гнилое, но в бытовом отношении выглядит получше тех, на которых я уже работал: отделка, занавесочки и прочее — результат того, что на нем случился пожар, все выгорело, пришлось подновлять. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Это по-нашему. Народ, извините, подтирается не газетами, а специально для этой цели предназначенной бумагой. Питается команда довольно изысканно, потому что валюта, идущая на скоропорт, используется, опять же, по назначению: на картошку, капусту, лук, огурчики, помидорчики. Ну, а пьют исключительно «Наполеон» и «Абсолют».

После долгих мытарств зацепились за группу судов (командир обычно сторонится работать в толчее налезавших друг на друга траулеров). И на вечерней вахте я поднял первый приличный трал, благо никто не мешал. Стало быть, прошел испытательный срок. Сколько бы седина у тебя ни было в бороде, тебя продолжают проверять и обкатывать, и подгонять под свою схему.

* * *

Давление продолжает падать. Виски давит. В горле стоит ком. Ветер гудит. Судно содрогается, скрипит, уходит из-под ног. Очередной шторм. Топливо на исходе. Но трюмы не забыты и на треть. Я прикидываю: ладно, с долгами хватит расплатиться. Уже легче. Семья сидит без денег. Это тоже можно решить: отправить радиogramму в бухгалтерию, чтобы оставшуюся зарплату перевели на имя жены. Но надо же и о будущем подумать. Впрочем, все думано-передумано и ясно, что надо работать, работать и работать. А мне и сейчас уже тяжело. Все не для меня. Все мне не нравится: обстановка, условия работы, от-

ношения. Недоволен собою. Пытаюсь подлаживаться, подстраиваться... Запасаюсь терпением.

Из дома еще ни одной весточки. Я сам просил, чтобы не тратились (одна скромная радиogramма — полкило колбасы). Но от этого ведь не легче. Ни мне, ни семье.

В 21 на мостик позвонил командир, которого я не видел больше двух суток, и подчеркнул вежливо произнес: «Доброй ночи. Сколько у нас на курсе?» Я говорю: столько-то. Но автомат практически не держит, ВРШ (винт регулируемого шага) — на «двоечке». (Мы, подталкиваемые пенящимися валами, спускались самым малым ходом по ветру. Рубка нависала над палубой под непривычным углом, и, казалось, полубак вот-вот зароется в воду.) Командир на «автомат» не отреагировал, сделал паузу, вроде бы о чем-то размышляя, и... невыразительно завершил: «Добавляй ход, пошли на выгрузку». — «Ясно. Сейчас попробую добавить ход и рассчитаю курс».

Я добавил ход до полного. Закидывать стало еще больше, но допустимо и терпимо. Затем изменил курс на 20 градусов влево и стал наблюдать за показаниями скорости. Несмотря на рыскание судна, компьютер показывал 10 узлов.

Все в порядке. Идем в Данию. Наши ребята говорят: «Домой!» Все чаще и чаще приходится сдавать рыбопродукцию в Данию. Эта страна нас привлекает: доступная выпивка, свободные нравы, бары с бильярдом, дискотеки. Я уже однажды испытал датское гостеприимство — за один вечер оставил недельную выручку.

* * *

Взглянул на календарь: 5 ноября. Перо барографа (прибора, регистрирующего изменения атмосферного давления), как и Гренландское море, выписывает волны, правда, по затухающей. Норвежское море, возможно, встретит нас более миролюбиво. Включив палубное освещение, увидел, как с козырька полубака срываются капли воды и подтачивают ледяную корку на траловой лебедке. Выглянул

с наветренной стороны — дождь. На палубе медленно проявляются темные полосы в местах крепления шпангоутов к палубе. Захватившая нас была зима медленно отпускает.

Надолго ли?

* * *

Рано утром должны были проходить норвежский порт Берген. Я завел будильник на 6.30, а проснулся в 7.05. Жена в это время уходит на работу. Поднялся на мостик, где мы через УКВ-станцию можем заказать телефонные переговоры с Мурманском. Трубка уже занята старпомом. Его «пилит» жена, еще минут 15... Я заказал набор своего номера... Соединили сразу. Соседка Лена уже собиралась на работу: «Тебе Галинку?..» Я услышал, как она открыла дверь, как с улицы ворвался Тёмка с лаем, как она поднялась по деревянным скрипучим ступенькам, постучала в нашу квартиру. Пауза. «Юра, она уже ушла на работу». — «Да, Лен, извини, опоздал, как они, живы-здоровы?» Лена не спускалась, так и разговаривала наверху, на лестничной площадке: «Да, все нормально, не беспокойся, Саша звонил из Перу... Как тебе, тяжело работать?» — «Да, время трудное... Завтра будем в Дании, затем — еще груз, к Новому году будем дома... Спасибо тебе, Лен, передавай всем привет. Если будет возможность, позвоню еще... Счастливо!»

Вот такой короткий, несодержательный разговор. Прозвучали короткие гудки, женский голос протяжно и, казалось, сочувственно произнес: «Фо минэтс» (4 минуты), и оживился на моё: «Ай кис ё хэнд» (Целую вашу руку) — «Сэнкью! Бай, бай».

Слава богу! Мои все живы. Какие только предположения не выстраивал мой воспаленный мозг. Когда мне плохо, беспокойно, кажется, и дома должно произойти что-то нехорошее.

* * *

В море, в обычной обстановке я выхожу на работу два раза в сутки и два раза ложусь спать, пусть даже на 2-3 часа. Поэтому сутки делятся на два, и получается как бы двое суток.

Путаются даты, путаются день и ночь. Время становится еще тягостней. Радист Лёша вечером позвонил на мостик узнать наши координаты. Затем спросил: «А во сколько мы вышли из порта?» — «В 11». — «Дня или ночи?» — «Дня». — «Вчера?» — «Нет, сегодня». — «Как сегодня? 12 ноября?» — «Да, 12 ноября». — «Юра, ты не пьян случайно?» — «Я? Нет...»

* * *

Метеобюллетень заканчивается такими словами: «Гидрометцентр России. Ивановидзе». А у нас капитан новый — Махарадзе. Его предшественник хозяина разочаровал, и тот идет с нами домой в качестве пассажира.

До пограничного поселка Тюва-губа, подгоняемые Гольфстримом, добежали за 5 с половиной суток. А в Тюва-губе нас ждали доблестные пограничники, наперебой просили рыбу и предлагали услуги в доставке экипажа на «большую» землю (до Мурманска оставалось ещё 20 миль по главному заливу Мурмандии). Больше полкоманды побывали дома и вернулись с новыми силами или с новыми проблемами. Для тех, кто остался на борту, стоянка в заброшенном безжизненном поселке превратилась в невыносимое мучение. Быть рядом с домом и не увидеть родных после разлуки в 2-3 месяца... А судно зайти в родной порт не может. Почему? Такие у нас законы и правила и особые на то причины, о которых я могу лишь догадываться, но не имею желания расследовать. «Глупо искать закон, еще глупее его найти», — сказал в свое время наш соотечественник В.Набоков.

* * *

Получил радиограмму от Гали: Юра Дела неважные Дашу не выписали Не могу попасть вашу бухгалтерию Скучаем любим целуем = Родные

Я звонил домой больше недели назад. Галья говорила, что очень тяжело: нет здоровья, денег, Дашуню с дифтерией уложили в больницу. А до нашей бухгалтерии, расположенной на побережье, добраться не может.

Стоит уйти в море — начинаются беды.

Уже полчетвертого, а я не могу уснуть. Вспомнил о конверте из Англии, достал большую поздравительную открытку, на которой изображено новогоднее веселье в баре у каминна, поднятые бокалы. Лесные звери удивленно заглядывают в освещенное окно. Пытаюсь разобрать каракули Энди. Он по-прежнему без работы, но женился и вместе с французенкой Мэри открывает для себя Библию. Он надеется, что Библия и общение с нами помогут сохранить основу жизни. (Что он имел в виду?..) Поздравляет нас с Рождеством.

* * *

Трал пришел из морских глубин разодранный и жалкий. Я впервые подумал о трале как о живом существе: как он там в темноте перекачивается тяжелыми бобинцами по неровностям грунта, заставляя шархаться бестолковых рыб, и сам больно бьется о камни и скальные выступы.

Господи, дай мне силы!

Как только началась рыбалка и пришли первые неудачи, с командиром произошли неожиданные перемены. На переходе мы с ним шутили, посмеивались, а тут его прорвало: посыпались угрозы, брань, оскорбления, нелогичные поступки. Дневную вахту я продержался, сжался и отмолчался, дотерпел до передачи смены. За восемь часов, отделяющих одну вахту от другой, многое передумал. Унизиться, терпеть дальше? Растереть и забыть? Нет, не смогу. Перестану себя уважать. Кому я нужен буду такой? Нет, кипит все внутри. Поднимусь на мостик и сделаю заявление. Осознавал, что могу все потерять: работу, зарплату. И меня как встретят дома?! Что скажет жена?! Нет, придется терпеть и растирать. Мы же нищие, но гордые... Никто этого не поймет. Я — единственный кормилец. Связан обязательствами и совестью! Но как это все пережить? О, Господи, дай мне силы! Подскажи и научи... Я поднимаюсь на мостик ... Вижу всех: капитана, старпома, второго. Этого я не ожидал (а что, собственно, я ожидал?). У меня все сбилось,

вспыхнуло, ослепило. Встал у иллюминатора и слышу свой голос: «Я отказываюсь от несения ходовых вахт и прошу списать меня с судна». Капитан отреагировал мгновенно и коротко, в присущей ему манере: «А пошел бы ты...» И все мои сомнения сразу отпали...

Огонь потух, а угли еще вспыхивают и отдают жаром. Мучают, не дают покоя мои тяжелые мысли. Как легко озлобленному начальнику обвинить ни за что, оскорбить подчиненного! Капитану — штурману... Рыбалка — дело сложное, тонкое, темное и нервное. Разногласий и сомнений — великое множество. И, к сожалению, нервы у многих моряков не в порядке. Мы изолированы от берега, оторваны от живительной, питательной среды.

Потом, когда немного устаканилось, капитан сидел с рефмехаником, его оппонентом по грузинским вопросам, у первого вырвалось: «Чего он? Лично я к нему претензий не имел». Действительно, чего это я?..

Как бы там ни было, я остался на судне в качестве матроса. Это произошло после разговора с ребятами с вахты, где не хватало одного работника. Решиться было непросто, и я колебался до последнего момента. Старпом обрадовался, сказал: «А капитан сам спрашивал: «Может, он согласится остаться матросом?» Я понимаю, что капитан погорячился и, возможно, сам жалеет о том, что наделал, но оскорблений никогда не прощу. Никому, кроме своей жены. Только перед женой я могу унизиться.

Выловив сто тонн трески сверх квоты, наше «пиратское судно» снялось, наконец, с промысла. Я — на мостике, все остальные — на собрании, уже прикидывают, сколько будет на пай. Есть основание быть довольными собой: хорошо поработали — хорошо заработали. Я же собой недоволен. Отстранился, замкнулся. И меня беспокоят отвыкшие от шкерочного ножа руки. Я пытаюсь сжать кисть левой руки, которой должен выхватить затянутую слизью, борющуюся за жизнь рыбу из транспортера, затем кинуть ее, обезглавленную, разделанную, на лоток, но острые иголки боли, возникшие в суставах фаланг, отдают в локтевой сгиб. Рыба перла дуром, а я как умел боролся с

рыбой и самим собой. Я думал, что карьера моя на этом не кончена — я еще не был матросом-уборщиком.

Домой

Трое суток бодались со стихией. Тяжёлые волны накрывали и встряхивали судно, не заботясь о нашем самочувствии, и не позволяли нам оборвать тревогу за близких. Наконец незнакомые волновые процессы нашли выход, сквозь помехи штормовых разрядов я услышал свои, родные голоса. Короткий прерывистый разговор снял мучительную тяжесть неизвестности и неопределённости. Дома не всё так плохо, как рисовал воспалённый мозг. Жена поправила здоровье. Дочь на днях выпишут из больницы, а сын возвращается из девятемесечного плавания. А я выбираюсь из нагромождения выстроенных в голове комбинаций и стараюсь подольше сохранить только что принятые новые ощущения относительно спокойствия за своих.

В Дании у меня появилась возможность побыть одному, и я не стал окунаться в мир привычных развлечений. Я сел в поезд, состоящий из двух вагонов, и на весь день уехал в соседний от порта город. Бродил, разглядывал лица незнакомых людей, витрины, пил пиво,

искал подарки для семьи... и прокручивал в голове картины прошедшего рейса.

Сдав груз очень тяжело и нервно, получив какую-то компенсацию неоправданных затрат, вышли из чужеземного порта. На мостике остаюсь один. В проливе Каттегат непривычно тихо. В иллюминаторе — редкие и далёкие огни. Оглядываюсь на самописец эхолота. Под килем всего несколько метров, но ровная горизонтальная полоса отметки грунта успокаивает. С души начинает спадать шлак. Душа почти ликует: «Домой! Домой!..»

Но какой-то осадок... Пробую на вкус — горечь. Всё, чего ни коснусь, несет привкус горечи. Пытаюсь отстраниться от горьких воспоминаний. Не получается. Фильтры давно и безнадежно засорены. Только добавляются новые непредвиденные ощущения... Неужели до конца жизни не смогу я избавиться от этого привкуса?..

Мурманск, 1995 год, Химки, 2012 год

□

Юрий Евгеньевич АБРАМИЦКИЙ

родился в 1952 году в Мурманске.

Окончил Мурманское мореходное училище.

Публиковался в сборнике «Литературные Химки».

Участник ЛИТО города Химки.

В журнале «Север» публикуется впервые.

